

Небо затянуто так плотно, что нет никакой уверенности, что прояснится хотя бы к обеду. Да что там к обеду, Нэля кажется, что для неё небо не прояснится уже никогда. А ведь как хорошо всё начиналось именно в этот день, двадцать пятого февраля, Нэля даже дату запомнила, такого уже далёкого прошлого года. Он был другим, тот день: снег за окном офиса искрился, светило солнце, и по-весеннему пела душа. А к концу рабочего дня пришёл Дима, большой, напористый, ворвался с конфетами:

– Девочки, а ну-ка чаёк!

Девочки засуетились: пора делать перерыв в скучной конторской жизни. И понеслось: Дима дамский угодник, попав в женское общество, разливается соловьём, угощает конфетами, пьёт чаёк, травит анекдоты, на что большой мастак, даже если борода до полу, так расскажет, все покатываются, как над новым. Анекдоты с перчиком, но Дима подаёт их так естественно и неоскорбительно, что послушать их себе позволяют даже очень приличные дамы.

Два года назад с ним развелась жена и уехала. Далекое. Некоторые говорили: от хорошего мужика женщина не уедет, другие возражали: смотря какая женщина. При кажущейся суровости и даже грубоватости Дима был тонкой и ранимой душой, и это лучше всех знала Нэля. Она вообще хорошо его знала... ещё со школьной скамьи. Но он выбрал не её. И вот должно было пройти долгих двадцать восемь лет, чтобы всё вернулось на круги своя. И они, уже сорокашестилетние, оба одинокие, с четырьмя на двоих, правда, взрослыми детьми, рванулись навстречу друг другу.

Сначала она не поверила, что счастье возможно. Слишком много пережила: и мужа пьяницу, и ранний развод, и долгое бесконечное житьё-бытьё в статусе одинокой женщины с двумя детьми. Было всякое, но вернуться к мужу – нет!!! Что угодно, только не это.

Уже вечером того памятного дня Дима сказал ей, что всегда её любил и никогда не забывал, ни на день, ни на минуту. Вот только не знал, что и она его по-прежнему любит... Потом они танцевали в вечерней кафешке, тесно прижавшись друг к другу, но не как молодые, всем телом, а, скорее, всей душой! Дима смотрел на неё, как он умел смотреть на любимых женщин. А Нэля подставляла и подставляла губы для быстрых, якобы не видимых ни для кого, прикосновений, и через эти прикосновения в неё словно вливалась река прозрачной, хрустальной, обжигающе ледяной воды, река огня, река любви. В эту же ночь всё состоялось! Быстро? Ещё бы, двадцать восемь лет – как одно мгновение.

На утро... она была красива, как и вечером, после дорогого шампанского, полумрака ресторана и безумного желания любить. Любить не какого-то там, выхваченного из прежнего небытия, а... своего, долгожданного, выстраданного! Она была красива, как женщина после ночи бесконечной любви с любимым человеком.

Потом был медовый месяц, второй, третий. Весной Дима открыл ей, что у него есть дача, свозил туда, они несколько раз попарились в баньке, и он ушёл в рейс.

Она полюбила дачу, как Диму. Никогда ранее не зная, что это такое, она открывала и открывала для себя новые прелести дачной жизни. По какому-то наитию всё правильно посадила, и всё не просто росло – «пыхало» – как говорила соседка и новоявленная подруга по даче, Татьяна, похоронившая в прошлом году мужа-пьяницу, с которым, в отличие от

Нэли, не разошлась, а прожила всю свою несчастную, чёрно-белую, бесконечную, полную надрыва и борьбы с пьянством мужа, жизнь.

На троицу у неё и собрались. Пришли подруги по дачному сообществу, которые знали ещё Люську, жену Димы. Завтра должен приехать и он сам. По телефону договорились, что Нэля встретит его здесь, в город выезжать не надо.

Снова было так хорошо, как не бывает. Уже под вечер над дачами летело протяжно и самозабвенно: «Вот кто-то с горочки спустился», «Зачем вы, девочки», с хохотками «Клён ты мой опавший», а под конец фирменная «Напила я пьяна». С ней и расходились, тяжёлые, как корабли, дородные, раскрасневшиеся. Нэля в обнимку с Зинкой, соседкой справа по дачной улице. Вернее, Нэля Зинку тащила до самой её калитки практически на себе, и даже пришлось зайти в дом и уложить на диван, от греха подальше. И вот с этого-то дивана Зинка и прохрипела, неожиданно зло, пьяно выплёвывая слова:

– А Димка твой всё равно тебя бросит. У него Люська, знаешь, какая была?

Нэля знала, какая была Люська.

Она стояла над Зинкой обомлевшая, вдруг опьяневшая сама, и тяжёло раскачивалась из стороны в сторону. Зинка, пятидесятипятилетняя, давно опустившаяся баба, срамно растёкшись по дивану, во всю храпела. Завтра вряд ли вспомнит, что брякнула пьяным языком и за что на неё смертельно обиделась соседка слева.

Потом был путь домой. Нэля остановилась точно посередине между двумя калитками, тяжело навалилась на забор спиной и, подняв очи долу, воззрилась на Луну. Она не выла, но думала, что вот так... на неё, сердешную, и воют. Она глядела долго, неотрывно. Луна была полной, лик её, про-

стецкой деревенской бабы, навеял ей, что если когда-нибудь, в древних своих ипостасях, она была женщиной, то судьба у неё тоже была не очень.

Усмехнулась неожиданной аналогии и... всхлипнула. Повернулась к забору, и, ухватившись мёртво руками за две штакетины, уперев лоб в третью, что между первыми двумя, тонко и некрасиво провыла. Потом замолчала, отлепила лоб от забора и снова втемяшилась в него им, многострадальным, и снова взвыла. На третий раз подскочила Татьяна:

– Господи, я думала собака... ой... – и закрыла рот ладонью:
– Нэлька, ты что? Завтра же твой приедет, а ты расписалась!
А ну, пойдём.

Она долго отдирала руки подруги от штакетин, вела её опять к себе, заставляла выпить то оставшееся в чьих-то рюмках вино, то горячего чаю. Хотела даже позвать кого-нибудь на помощь, пока, наконец, не услышала отчётливо-спокойное:

– Не приедет!

На следующий день Нэля проснулась с мыслью, что «дура, приедет, конечно, как перед Татьяной стыдно». После вчерашнего было тяжело, но похмеляться к соседке не пошла. Во-первых, тяжело было не от выпитого, во-вторых, дел много, да и Татьяна, кажется, должна уехать. Бегала по даче, наводила порядок, приводила в божий вид себя. И неотрывно смотрела на часы: девять, десять... стрелки шли с какой-то сумасшедшей скоростью, как в другом временном измерении.

Когда, перевалив через одиннадцать, обе стрелки, большая и маленькая, решили, наконец, слиться воедино, в груди ёкнуло: «Да нет, не может быть...» До трёх она ещё бродила по дому, расслабленная, перекладывая что-то с места на место. После трёх села, к шести решила, что надо собирать вещи.

Вещи Нэля собирала три дня. Бродила, как тень, по участку, сидела на крылечке, выуживала по одной вещичке то из

шкафа, то со стула, снимала с вешалки, закидывала в сумку, иногда мимо и снова садилась на крыльцо смотреть в никуда.

Татьяна действительно уехала домой, и Нэля не знала, хорошо это или плохо: вот так, в одиночку биться со своим горем, один на один с телефоном сидеть и ждать, сидеть и ждать!

Позвонить? Нет! Что-то случилось? Да нет же, Нэля бы почувствовала. Позвонит он, позвонит. Вопрос лишь в том, что скажет. Конечно же, ей давно пора уезжать. Но что-то внутри ещё держало. Может, тот звонок, где Дима весёлым, любящим голосом пообещал ей, что завтра непременно будет. Она бы услышала фальшь, но её не было, не было до самого Зинкиного... «бросит». Так что же случилось, что-о-о?!

Дача засыхала, душа чернела, а сама Нэля тихо старела. Из влюблённой, красивой, молодой женщины, медленно, но верно превращалась в старуху. Зинка за три дня раза три подходила к калитке, но Нэля не пускала, уходила в дом.

На третий день Нэля вышла на крыльцо, чтобы в последний раз посмотреть в никуда. Сегодня она уедет. Собрать вещи так и не удалось, ну и чёрт с ними, пусть остаются. Душа затихла, и она уже с кружкой горячего чая присела на ступеньку. Поставила кружку на крыльцо, и хорошо, что успела это сделать, потому что в следующее мгновение утреннюю дачную прохладу разорвала раскалённая трель звонка. От неожиданности Нэля подскочила на месте и судорожно схватила телефон.

Она не сразу поняла, что это Дима. Каким-то не своим голосом он сообщил ей, что вернулась Люся.

– Понимаешь, мы решили...

Нэля перебила:

– Да не волнуйся, я давно уже знаю, и меня нет на даче.

Вы же хотите приехать?

И – отключила телефон. Быстро встала: надо торопиться, ещё припрутся раньше, чем она уедет. Долго, кажется, целую вечность, ждала автобус на остановке. Дождалась, проехала

«Хонда» с Димиными номерами. А вот и он за рулём. Поверил, что она уехала. Зачем соврала? Люську не было видно за затемнёнными стёклами салона, но она-то её видит наверняка. И Дима от неожиданности притормозил, но потом проехал всё-таки.

Тут же подошёл автобус, и она села в него. Стало окончательно «спокойно». Даже яду бы выпила, не поморщилась. О жизни не думала, жизни не было. Автобус какое-то время покачался на колдобинах сельской дороги и тяжело затормозил на очередной остановке. Пассажиры резко качнулись вперёд, а двери с противным лязгом открылись. И... в салон ввалился Дима. Он прислонился к автобусной стойке и стал смотреть на неё.

Перед ним сидела немолодая, страшно уставшая женщина, и острое чувство жалости сдавило сердце. Потому что это была его женщина! Настолько его, что он простил бы ей каждую её морщинку... если бы она могла сейчас простить его. Но Нэля смотрела на него стальным непрощающим взглядом. Он знал этот взгляд. Он видел его уже когда-то очень давно, в той, другой жизни.

Как молоды они были, а их школьная любовь не знала границ. Школа была окончена, и дело шло к свадьбе. О ней ещё не говорили, потому что и не надо было, это становилось как бы само собой разумеющимся фактом. И тут появилась Люська, смелая, дерзкая, страстная, а главное, азартная. Она сразу поняла, что Димка ей нравится, но он принадлежит другой. Это был двойной приз, она обожала брать с боем всё, чего ей хотелось, и любила побеждать!

Тогда он тоже едва успел к отходу поезда. Нэлина мать сказала, что дочь уезжает поступать. Случайно в магазине встретила и сказала. Он мчался на мотоцикле по такой же пыльной, разухабистой деревенской дороге и молил бога:

успеть, только успеть! Она стояла у вагона и непримиримо смотрела мимо него, пока проводница не рявкнула:

– Закрываю двери! Девушка, вы заходите или остаётесь?

Но Нэля не терпела, когда её предавали. И кто? Дима! Её Дима!!! Такое невозможно простить, и он и она это понимали... и тогда, и... теперь.

Тогда она заскочила на подножку вагона и единственное, что прочитал Дима по её губам, когда она обернулась на него в последний раз, это было едва слышное, беспомощное, но неумолимое:

– Я... тебя... ненавижу!

Он ещё собирался сам запрыгнуть в вагон, и никакая проводница его бы не удержала, но после этой фразы ничего уже не имело смысла. И он остался стоять на перроне.

Автобус тяжело перевалился с боку на бок, тряхнул на колдобине содержимым и грузно остановился на следующей остановке. Надо было собрать всех дачников, страждущих вернуться из деревенской жизни в городскую. Двери снова ржаво взвизгнули и открылись. На этой остановке народу было много. Все лезли, толкая Диму. Какая-то бабища с корзиной, низким, мощным голосом, не терпящим возражений, предложила:

– Мужчина, пройдите в салон, а то встал тут... хрен обойдётся.

Надо было принимать решение, и Дмитрий отчаянно взглянул на Нэлю. И снова, как в тот раз её губы приоткрылись, и он услышал убийственно знакомое:

– Я... тебя... ненавижу...

Нет, сейчас, в автобусе, она этого даже не прошептала, губы чуть пошевелились. Но Дмитрий услышал это так отчётливо, так ясно, как будто она прокричала ему на весь белый свет:

– Я – те-бя – не-на-ви-жу!!!

Дмитрий тяжело вывалился из автобуса, прихватив с собой пару-тройку устроившихся за его спиной пассажиров. Бабища каким-то чудом осталась в салоне. Это было невероятно. Два таких тяжеловеса не могли пройти друг сквозь друга, но факт был на лицо: Дима вышел, а бабища осталась. Автобус пытался стронуться с места, помятые пассажиры отряхивались, вытесненные – рвались в закрывающиеся двери, и всё это сопровождалось перлами ненормативной речи. Но Нэля ничего не слышала и не видела.

Она не видела, как Дима ловил попутку, чтобы вернуться обратно, к первой остановке, где он оставил «Хонду», на которой на этот раз догонял её. Она не могла видеть, как он возвратился на дачу и как гневно на него взирала Люська: «Пожалела дурака, приехала, а о-он»?!

Как радостно-одобрительно кивали друг другу добрые соседи: «С ума сойти, Люська два года хвостом мотала, а он её опять принял, а Нэльку бортанул».

При этом Зинка, стоя у своей калитки, они уже перемолвились парой слов с Люськой, та даже не печалилась: «Никуда он не денется, он бы рад, да Нэлька его восвоеси отправит», качала по-бабьи головой и думала, как она была права, когда выдала этой гордячке Нэльке, что Димка её всё равно бросит. Пророчество то пьяное она вспомнила только что.

Нэля ничего не видела ещё и потому, что глаза застилали слёзы. И сколько она их не вытирала ладонью (украдкой, как она думала), они текли и текли по щекам, и этому потоку не было конца-края.

Пассажиры автобуса все, сколько было, по очереди, оглядывались на неё. Но ни улыбок, ни злорадства в их взглядах не было.

Понимали, что тот импозантный мужчина у автобусной стойки и эта симпатичная, моложавая женщина, упорно

разглядывавшая что-то за окном автобуса и беспрерывно утирающая слёзы, только что пережили нечто такое, что достойно, как минимум, их молчания...

Нэля стояла у окна, и ей казалось, что небо никогда уже не прояснится. Не наступит ни весны, ни лета, ничего не наступит в божьем мире для неё. Но, как только в её мыслях мелькнуло это слово – «божьем» – что-то произошло. Пелена, плотно задрапировавшая небо, именно в том, более светлом месте, где, в вышине, над облаками, предположительно должно было находиться солнце, истончилась и прорвалась. И это отверстие с рваными краями блеснуло чем-то светлым и тёплым.

Лучик, тонкий, радостный, целенаправленно достиг земли, выхватил из всего мира людей одну маленькую, грустящую за окном рабочего кабинета женщину и на мгновение ослепил. Нэля зажмурилась, а когда открыла глаза, поняла, что мир меняется не постепенно, нет, он меняется в такие вот мгновения и за одно такое мгновение проходит путь... да хоть в тысячу лет!

Она посмотрела на телефон, который зачем-то теребила в руках всё утро, глубоко, облегчённо вздохнула и стала набирать Димин номер.

Он ответит, он обязательно ответит...